

Candidate of Law **Anton Liutynskii**, Assistant Professor

The North-West institute (branch) of The Moscow State Law University by the name of O.E.Kutafin (MSLA), Vologda, Russian Federation

Evidence and proof in criminal procedure in Russia and Latvia: some problems in the comparative legal aspect

Abstract. The article considers some of the controversial issues of criminal justice – related evidence. It analyzes some aspects of the legal regulation of collecting evidences in criminal process in Russia and Latvia. Made comparison of some of the legislation relating to evidence. The properties of the evidence offered interpretations of certain provisions of criminal codes of Russia and Latvia. The comparative – legal characteristic understanding of the investigative action.

Keywords: evidence, collecting evidence, properties of proof, subjects of proof, investigation action, latent investigation.

Juridisko zinātņu kandidāts, **Antons Ļutinskij**, docents

O.E.Kutafina Maskavas Valsts Juridiskās universitātes (MVJA) Ziemeļrietumu institūts (filiale), Vologda, Krievijas Federācija

Pierādījumi un pierādīšana Krievijas un Latvijas kriminālprocesos: dažas problēmas salīdzinošā aspektā

Anotācija. Šajā rakstā autors apskata dažus strīdīgus kriminālās justīcijas jautājumus, kas saistīti ar pierādījumiem. Ir izvērtēti atsevišķi pierādījumu vākšanas krimināltiesiskā regulējuma aspekti Krievijā un Latvijā. Autors veica normatīvo aktu normu, kas saistītas ar pierādījumu vākšanas jautājumiem, salīdzinošo analīzi. Rakstā ir dots pierādījumu raksturojums, kā arī atsevišķo Krievijas kriminālkodeksa un Latvijas Kriminālprocesa likuma normu skaidrojums.

Tapāt ir piedāvāta izmeklēšanas darbības būtības salīdzinoši tiesisks raksturojums.

Atslēgas vārdi: pierādījumi, pierādījumu vākšana, pierādījumu īpašības, pierādīšanas subjekti, izmeklēšanas darbības, slēpta izmeklēšana.

Кандидат юридических наук **Антон Лютынский**, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского юридического университета имени
О.Е.Кутафина (МГЮА), г.Вологда, Российская Федерация

Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве России и Латвии: некоторые проблемы в сравнительно-правовом аспекте

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые спорные вопросы уголовной юстиции, связанные с процессом доказывания в уголовном судопроизводстве. Проанализированы отдельные аспекты правового регулирования сбора доказательств в уголовном процессе России и Латвии. Проведено сравнение законодательных норм, касающихся вопросов сбора доказательств. Дана характеристика свойств доказательств и толкование некоторых положений Уголовно-процессуального кодекса России и Уголовно-процессуального закона Латвии. Также представлена сравнительно-правовая характеристика сущности следственного действия.

Ключевые слова: доказательства, сбор доказательств, свойства доказательств, субъекты доказывания, следственные действия, скрытое расследование.

Институт доказательственного права, как совокупность норм уголовно-процессуального законодательства, устанавливающих понятие и свойства доказательств, а также правила доказывания, считается одним из основных институтов уголовно-процессуального права. Эффективность судопроизводства и решение его задач во многом определяются правильным применением норм доказательственного права, которое в свою очередь зависит от качества отдельных норм этого института. В настоящей статье в сравнительно-правовом аспекте освещены несколько важных уголовно-процессуальных норм, касающихся сущностных вопросов доказывания в уголовном судопроизводстве.

Целью сравнения норм уголовно-процессуального права разных стран является более полная оценка качества содержания этих норм, выявление пробелов и противоречий, для формулирования предложений по совершенствованию норм уголовно-процессуального закона и практики его применения.

В силу сложности и обширности проблем, касающихся доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве, последовательно рассмотрим несколько аспектов темы, не претендуя на полный ее охват.

Доказательства и доказывание – важнейший институт уголовно-процессуального права. Нормы одного института часто рассредоточены по разным частям кодифицированного акта. С точки зрения юридической техники представляется удачным помещением норм, касающихся доказывания, в один раздел Уголовно-процессуального закона Латвии под названием «Доказательства и следственные действия», объединяющий две главы [1]. Такая структура повышает логичность закона и удобство его применения.

Правильное определение сущности доказательства в тексте закона позволяет обеспечить верную логическую основу иных норм, устанавливающих правила доказывания в рамках уголовного процесса.

Проблема заключается в отсутствии в научной литературе однозначного понимания сущности уголовно-процессуального доказательства. Наиболее обоснованная позиция по этому вопросу заключается в диалектическом понимании сущности уголовно-процессуального доказательства.

Уголовно-процессуальное законодательство, как России, так и Латвии, содержит похожие определения доказательства. Так, ч.1 ст.74 УПК РФ определяет доказательствами по уголовному

делу любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [2].

В обоих определениях законодатели правильно указывают как на содержание, так и на форму доказательства, таким образом, определяя подход к разрешению одной из дискуссий о сущности доказательства. Как известно, важным практическим аспектом доказывания является установление обстоятельств, связанных с предметом доказывания, которые в литературе и в судебной практике иногда именуют доказательственными фактами, установление которых необходимо для установления главного факта. Видимо, этим можно объяснить смешение в некоторых работах понятий «доказательство» и «доказательственный факт», когда содержанием доказательства считаются факты и одновременно сведения о них [3, 390].

На наш взгляд, необходимо разделять эти понятия. Определение доказательства как совокупности информации о каком-либо обстоятельстве, полученной и закреплённой в уголовно-процессуальной форме точнее как с теоретической, так и с практической точки зрения, что не отменяет значения доказательственных фактов в процессе уголовно-процессуального доказывания и судебного исследования преступлений.

В науке уголовно-процессуального права давно разработаны теоретические основы и сформулированы характеристики свойств уголовно-процессуальных доказательств: относимость, допустимость и достоверность. В российском уголовно-процессуальном законе эти свойства лишь упомянуты в статье, регламентирующей оценку доказательств, причем содержание этих свойств не раскрыто. Понятие «допустимость» раскрыто косвенно, через понятие «недопустимые доказательства» (ст.75). Уголовно-процессуальный закон Латвии уделяет отдельное внимание основным свойствам доказательств и последовательно, в статьях 128-130, даёт их легальное определение и характеристики, вполне отвечающие научным представлениям. Весьма удачным представляется содержание статьи 130 УПЗ Латвии, в которой, помимо об-

щего определения допустимости, указаны такие нарушения закона, которые однозначно должны приводить к признанию доказательства недопустимым. Очень важной представляется оговорка в ч.3 ст.130 УПЗ Латвии, в которой указано, что некоторые нарушения уголовно-процессуального закона ограничено допустимы и не мешают использованию доказательства, если нарушения «не могли повлиять на достоверность полученных сведений или если их достоверность подтверждается остальными полученными в процессе сведениями». Отсутствие подобной нормы в российском уголовном процессе порождает проблему критериев, отграничивающих существенные нарушения закона от несущественных при оценке допустимости доказательств. Буквальное толкование ч.1 и п.3 ч.2 ст.75 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что любое нарушение норм УПК, допущенное при собирании (формировании, закреплении) доказательств, должно приводить к признанию его недопустимым. Например, ст.166 УПК РФ устанавливает, что в протоколе следственного действия должны быть указаны инициалы лица, проводившего следственное действие и составившего протокол. Каким образом оценивать отсутствие в протоколе инициалов следователя?

С момента принятия УПК РФ не утихают споры как о самой необходимости установления перечня источников доказательств в законе, так и о содержании конкретной нормы. Принятая в ч.2 ст.74 УПК РФ конструкция вызывает обоснованные возражения [4, 10-14; 5, 7-10]. Так, например п.1 указывает на показания подозреваемого, как на один из источников доказательств и одновременно в п.5 определяет такой источник, как протоколы следственных действий. Очевидно, что в данном перечне нарушена логика классификации, смешана форма и содержание протокола, как способа фиксации хода и результатов следственного действия, в т.ч. и допроса и показаний, как содержательной части протокола допроса. Стремление законодателя понятно: необходимо установить перечень форм, очерчивающий способы вовлечения информации в уголовное судопроизводство. Этот перечень – один из элементов уголовно-процессуальной формы.

В Уголовно-процессуальном законе Латвии отсутствует подобный перечень. Однако, указа-

ние на форму и порядок сбора доказательств следует непосредственно из определения доказательства: «доказательствами в уголовном процессе являются любые полученные в предусмотренном законом порядке и закрепленные в установленной процессуальной форме сведения о фактах» (ч.1 ст.127 УПЗ Латвии), а содержание раздела второго позволяет сделать вывод, что законодатель также фактически устанавливает перечень обязательных форм и источников доказательств, используемых в уголовном судопроизводстве. Такое ограничение видимо объективно необходимо. Подчинение уголовно-процессуального познания определенным правилам в виде установленных форм источников необходимо в первую очередь для полноценного обеспечения проверки и оценки доказательств. Законодатель предоставляет правоприменителю набор форм, использование которых позволит применить общепринятые рациональные методы познания и обеспечит полноценную стороннюю оценку всеми заинтересованными участниками уголовного судопроизводства.

Основываясь на сказанном, обратимся к проблеме следственного действия, важнейшего средства доказывания в уголовном судопроизводстве. Средство доказывания можно определить как предусмотренный законом способ собирания (формирования) доказательства по уголовному делу. Сам термин «средства доказывания» не закреплен в российском уголовно-процессуальном законе. Логически точным представляется указание в законе понятия и перечня способов вовлечения доказательственной информации в уголовное дело, т.к. фактически такие средства в законе указаны (но четко не определены) и существуют в правовом сознании правоприменителя.

Среди средств доказывания особое место занимают следственные действия. Несмотря на значимость этого понятия для уголовного процесса, в УПК РФ оно также не имеет определения.

Уголовно-процессуальный закон Латвии (ч.1 ст.138) дает определение следственных действий как процессуальных действий, направ-

ленных на получение сведений или проверку уже полученных сведений в конкретном уголовном процессе.

На наш взгляд, положительно можно оценить сам факт наличия легального определения следственного действия. В определении присутствует указание на познавательную сущность следственного действия, отграничивающую его от иных уголовно-процессуальных действий. Действительно, следственное действие – это способ обнаружения, восприятия и запечатления искомой информации, т.е. формирования доказательств; совокупность познавательных операций [6, 213]. Помещение такого понятия в УПК России можно было бы только приветствовать¹. Указание на познавательную сущность следственного действия прекратит дискуссии, например, об отнесении задержания или наложении ареста на имущество к следственным действиям.

Однако в рассматриваемом определении отсутствует указание на субъекта, осуществляющего получение сведений, образующих содержание уголовно-процессуального доказательства. На наш взгляд, это обусловлено одним важным аспектом в подходе к пониманию сущности следственного действия, который реализован в законодательстве Латвии.

Сложившиеся в науке уголовного процесса подходы к решению этого вопроса можно разделить на две группы. Одна часть ученых процессуалистов считает, что следственное действие неразрывно связано с личностью субъекта, уполномоченного законом на собирание доказательств и гласностью процедуры. В российском уголовном процессе на стадии предварительного расследования это в первую очередь следователь (дознатель), осуществляющий расследование гласно.

Некоторые ученые считают, что любой, указанный в законе прием получения информации, в том числе негласный, урегулированный ведомственными нормативно-правовыми актами, можно считать следственным действием, независимо от того, кто его производит [6, 214-215; 8, 7;].

¹ Нам представляется наиболее удачным для закрепления в процессуальном законе такое определение: «следственное действие – производимое следователем (дознателем) уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на собирание и проверку доказательств [7, 508].

В определении следственного действия, изложенном в Уголовно-процессуальном законе Латвии, отсутствует указание на субъекта, проводящего следственное действие. Этот факт, а также анализ отдельных норм глав 10 и 11 позволяет сделать вывод, что латвийский законодатель исходит из концепции, в соответствии с которой, субъектом произведения следственного действия (т.е. доказывания) не обязательно является лицо, направляющее ход расследования. Так, в ст.193 УПЗ Латвии экспертиза отнесена к следственным действиям.

Кроме того, глава 11 УПЗ Латвии целиком посвящена правовому регулированию специальных следственных действий, таких, например, как контроль средств связи. Их может осуществлять как лицо, направляющее процесс, так и иное, уполномоченное им должностное лицо. Сравнительно-правовой анализ показывает, что мероприятия, которые в российском законодательстве относятся к оперативно-розыскным и проводимым только специальными уполномоченными органами, в уголовном процессе Латвии считаются полноценными средствами доказывания. В российском уголовном судопроизводстве результаты оперативно-розыскной деятельности лишь при определенных условиях могут быть представлены следователю органом дознания и послужить основой для формирования доказательств, после проверки их соответствия требованиям уголовно-процессуального закона.

Важным отличием также является то, что УПК РФ устанавливает прямой запрет возлагать полномочия по проведению расследования на сотрудника органа дознания, который проводил или проводит по этому уголовному делу

оперативно-розыскные мероприятия (ч.2 ст.41 УПК РФ).

Российский законодатель на наш взгляд, при решении данного вопроса исходит из необходимости разделения функций уголовно-процессуального доказывания и оперативно-розыскной деятельности. Такое разделение, помимо повышения прозрачности расследования, фактически способствует дополнительному процессуальному контролю за органами, имеющими значительные полномочия по негласному ограничению конституционных прав граждан.

Таким образом, можно резюмировать следующее:

1. Уголовно-процессуальный закон должен содержать научно обоснованные определения и ключевые правила уголовно-процессуального доказывания: понятие доказательства, свойства доказательств, средства доказывания и т.п. В уголовно-процессуальных кодексах России и Латвии эта задача решается, однако имеются существенные отличия, также некоторые противоречия и пробелы. Так, требуется внесение определения понятия «следственное действие» и корректировка перечня источников доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве России.

2. Принципиальным отличием построения системы следственных действий в уголовном процессе Латвии от российского уголовного процесса является наличие у негласных мероприятий статуса, юридически равного следственным действиям. Латвийский законодатель не наделяет следственное действие такими критериями, как субъект его проведения и фактически делает возможным доказывание с помощью негласных методов получения информации.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный закон Латвии от 21.04.2005. // Текст на русском языке доступен по интернет-адресу: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001. №174-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // СПС «Консультант-плюс».
3. Шаталов А.С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебный курс в 3-х томах. Т.1. Общие положения: Москва – Великий Новгород, ИД МПА-Пресс, 2012.
4. Белкин А.Р. Еще раз о доказательствах, об источниках доказательств и о том, как отличить одно от другого // Мировой судья. 2012. № 1.
5. Белкин А.Р. Еще раз о доказательствах, об источниках доказательств и о том, как отличить одно от другого // Мировой судья. 2012; № 2.
6. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова // М., 2012.
7. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская // М., 2009.
8. Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие // М.: Эксмо, 2009.